

ЛАНДИНА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры историко-культурного наследия, УВО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», г. Минск, Беларусь
E-mail: larisa-hist@mail.ru

LANDINA LARISA VLADIMIROVNA

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage, IHE “Belarusian State University of Culture and Arts”, Minsk, Belarus
E-mail: larisa-hist@mail.ru

**ПЕРВАЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ МЕМУАРИСТКА, ВРАЧ И ПУТЕШЕСТВЕННИЦА:
САЛОМЕЯ РУСЕЦКАЯ КАК ЛИЧНОСТЬ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

**THE FIRST MEMOIRIST, DOCTOR AND TRAVELER IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA:
SALOME RUSETSKAYA AS A PERSON OF THE ENLIGHTENMENT**

Европейская история эпохи Просвещения примечательна уникальными личностями обоего пола – путешественниками, гениальными самоучками, прожектерами, философами, авантюристами, многие из которых оставили после себя воспоминания. В данной статье сквозь призму мемуаров раскрывается жизненный путь Саломеи Русецкой – первой в Великом Княжестве Литовском женщины-мемуаристки, врача и путешественницы, которая не только осуществила путь от Стамбула до Санкт-Петербурга, но и была знакома с представителями правящей элиты середины XVIII века.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, мемуары, Великое Княжество Литовское, Саломея Русецкая, история медицины, Восточная Европа, история повседневности.

The European history of the Enlightenment is remarkable for the unique personalities of both sexes – travelers, brilliant self-taught, projectors, philosophers, adventurers, many of whom left behind memories. In this article, through the prism of memoirs, the life path of Salome Rusetskaya, the first woman memoirist, doctor and traveler in the Grand Duchy of Lithuania, who not only made the path from Istanbul to St. Petersburg, but was also familiar with representatives of the ruling elite of the mid– XVIII th century, is revealed.

Keywords: Age of Enlightenment, memoirs, Grand Duchy of Lithuania, Salome Rusetskaya, history of medicine, Eastern Europe, history of everyday life.

Введение

Актуальность. Антропологический поворот, включающий микроисторию, историю повседневности, психологический подход, выступает актуальной и востребованной парадигмой исторических исследований. В этом контексте мемуарная литература, несмотря на ее субъективный характер и зачастую неполноту, выступает ценным источником, позволяющим в известной мере реконструировать мировоззрение автора, окружающий его мир повседневности, личных и общественных отношений. В патриархальном обществе Великого Княжества Литовского мемуары и дневники создавали мужчины, транслировавшие в них мужской взгляд на прошлое и настоящее. Ценность мемуаров Саломеи Русецкой – во-первых, в их женском авторстве, во-вторых – в географической и социальной широте диапазона описываемых явлений. Указанное позволяет внести дополнения и новые смыслы в имеющиеся знания по истории общества и повседневной жизни Восточной и Юго-Восточной Европы эпохи Просвещения.

Цель исследования – реконструировать и соотнести с социокультурным контекстом середины XVIII века личностные черты и профессиональные компетенции Саломеи Русецкой как первой женщины – автора мемуаров и одновременно врача в Великом Княжестве Литовском.

Новизна исследования заключается в применяемом ракурсе и компаративном подходе. Традиционно биография Саломеи Русецкой раскрывались в индивидуальном ключе, ее характер и жизнь реконструировались из ее же ме-

муаров. В данной статье представлен качественно новый уровень рассмотрения – личностные и профессиональные характеристики Саломеи Русецкой соотнесены с гендерными, социокультурными и профессиональными паттернами европейского общества эпохи Просвещения.

Методологической основой исследования являются принципы системности, историзма и объективности. Автором применены подходы психоистории, дискурс-анализа, гендерной истории и исторической компаративистики.

Изложение основного материала

Саломея Регина Русецкая (Гальпирова, Пильштынова) (1718 – после 1760 гг.) известна в белорусской истории как первая женщина-врач и автор изданных мемуаров. Ее жизненный путь и воспоминания неоднократно становились предметом рассмотрения ряда белорусских исследователей. В работах А.О. Мальдиса [9], В.П. Грицкевича [4], А.И. Смолика [13], Л.В. Ландиной [7; 8] и других раскрыты различные стороны личности, жизни и профессии Саломеи Русецкой, однако образ этой уникальной женщины может анализироваться в различных аспектах. Так, в данном исследовании предлагается рассмотреть личностные, гендерные и профессиональные характеристики Саломеи Русецкой в системе современных ей координат. Можно ли называть ее феминисткой? Присуще ли ей вольнодумство, распространенное в эпоху Просвещения, особенно в образованной среде общества? Как можно оценить

ее медицинскую практику применительно к реалиям медицины середины XVIII века? Каким образом охарактеризовать эту женщину, исходя из информации о социальных типажах, содержащейся в дошедшей до нас мемуарной литературе ее современников? При этом нужно сделать оговорку о том, что, ввиду достаточно ограниченного круга источников, ответы на указанные вопросы часто будут даваться путем отрицания, а не подтверждения наличия определенных характеристик.

Для более яркого включения биографии Русецкой в историческую канву соотнесем годы ее жизни с годами жизни ее выдающихся современниц. Например, императрица Мария-Терезия (1717–1780) была старше ее на год, мадам Помпадур (1721–1764) – моложе на три года. В начале 1730-х гг., исходной точке воспоминаний, будущей Екатерине II (1729–1796) было два-три года, а до рождения будущей княгини Е. Р. Дашковой (1743–1810) оставалось не менее десяти лет. В России совсем недавно воцарилась Анна Иоанновна, подвергнув репрессиям авторов предложенных ей «кондиций», а в Речи Посполитой завершалось правление Августа Сильного.

После себя Саломея Русецкая (такой была её девичья фамилия) оставила воспоминания, оригинал которых хранится в музее князей Чарторыйских в Кракове. Написанные на польском языке в 1760 г., воспоминания были изданы в Кракове в 1957 г., на белорусском языке впервые вышли в 1993 г. под фамилией автора Пильштынова (по второму браку Саломеи) и названием «Авантюры майго жыцця» («Авантюры моей жизни»). На русский язык оригинальное барочное название мемуаров можно перевести как «Эхо, в мир поданное, занятий странствия и жизни моей авантур на честь и хвалу господу Богу, в святой троице единому, и самой святой матери Христа господа моего и всем святым» [8, с. 47].

В любых воспоминаниях автор сознательно конструирует свой образ. В мемуарах XVIII века авторское кредо выражалось во вступлении. Обратимся к этой знаковой части «Авантур...» Пильштыновой, озаглавленной «К любезному читателю»: «На честь и хвалу Господу Богу, в Святой Троице Единому, жертвую все плохое и хорошее, что имела и выстрадала, имею и иметь буду, ради заслуг неба жертвую, также как и эту плохую книжку... сам Господь Бог видит – не ради некой корысти или похвалы, ибо я уже при этом не буду, потому что с Польшей навсегда простилась и здесь, в Турции жить решила, и лишь для того, чтобы другие, кто меня знал, не упрекали... Вот поэтому я и хочу в этой моей книжке показать пути моей жизни и страданий. Обиды, презрение от мужей, детей и близких, и от лакеев моих – они выгнали меня из Отчизны моей, так милее мне здесь жить, в этой пустыне, в покое и милости Божьей, нежели в Польше... Если хорошо получится, пусть этим будет восславлено имя Божье, а если опишу как слабая, нетерпеливая белоголовая, то искренне прошу простить за мой труд в зрелом возрасте и за мои деньги, которые тяжело достались и которые я милостью Божьей истратила я на печатание этой книжки. Также искренне прошу у Святой Девы Марии здоровья, а после и избавления. Аминь» (здесь и далее перевод мой – Л. Л.) [9, с. 3].

Насколько чистосердечно это обращение, узнать невозможно. Обреченность, ожидание конца земной жизни, смирение, многократное обращение к Богу, возможно, выступают данью некой традиции. И тем не менее, достаточно обратиться к вводной части мемуаров современников Пильштыновой, как предстанет иная картина. Вот как начинается свои «Записки» Екатерина II: «Счастье не так слепо, как обыкновенно думают. Часто оно есть ничто иное,

как следствие верных и твердых мер, не замеченных толпою, но тем не менее подготовивших известное событие. Еще чаще оно бывает результатом личных качеств, характера и поведения» [12, с. 1]. Княгиня Дашкова в своих «Записках», обращаясь к своей подруге Марте Вильмот, говорит, кажется, то же, что и Русецкая (Пильштынова), но в другом контексте: «Обо мне можно сказать, что я была мученицей – и я не побоюсь этого слова, ибо скрывать свои чувства или представляться в ложном свете всегда претило моему характеру... Из моего повествования будет видно, что плыть на одном корабле с великими мира сего – предприятие, изобилующее опасностями и что придворная атмосфера губительна для честных людей; однако свободная от укоров совесть может дать нам достаточно сил, чтобы твердостью духа обезоружить злобу тирана и помочь тем, кто чист душой, перенести самые несправедливые гонения... Конечно, зло это, как и все сущее в мире, пройдет... Поэтому разрешите, мой дорогой юный друг, сказать о том, что намного ближе, – о нашей взаимной, нежной дружбе...» [2, с. 35]. Станислав Август Понятовский в своих мемуарах утверждает, что «если верно, что истинная природа тех или иных событий никому не известна так же хорошо, как их непосредственным участникам, логично предположить, что автор... своей собственной истории будет искренним и точным, и предпочесть поэтому его рассказ всем прочим... Такое предположение не лишено основания еще и потому, что искренность дана нам Спасителем, как любое другое качество, и тот, кто при рождении оказывается наделенной особой к ней склонностью, конечно же останется искренним и заполняя страницы истории...» [11, с. 17].

Оценивая приведенные для сопоставления фрагменты, важно учесть, во-первых, принадлежность их авторов к интеллектуальной и правящей элите и несколько более позднее время создания воспоминаний. Эпоха Просвещения характерна вольнодумством, проявляющимся, в частности, в деизме и атеизме, особенно в интеллектуальной и аристократической среде. Авторы приведенных фрагментов не апеллируют к Богу, Екатерина II и вовсе отрицает фатализм. О Создателе говорит Понятовский, как католик, но лишь однократно и применительно к личности автора мемуаров как активного субъекта. В качестве предварительного вывода можно указать, что Саломея Русецкая (Пильштынова), не принадлежа к данному социальному кругу, не разделяла присущих ему мировоззренческих идей.

Обратимся теперь к другому современнику Русецкой – Джакомо Казанове (1725–1798) – сыну актера и дочери сапожника, получившего образование в Падуанском университете. По статусу Казанова – разночинец, по роду занятий – путешественник, авантюрист, искатель денежной должности и, безусловно, социально гораздо ближе нашей героине, чем Дашкова или Понятовский. Во вступлении к своей истории жизни он пишет: «Я начинаю, заявляя моему читателю, что во всем, что сделал я в жизни доброго или дурного, я сознаю достойный или недостойный характер поступка, и поэтому я должен полагать себя свободным. Учение стоиков или любой другой секты о неодолимости судьбы есть химера воображения, которая ведет к атеизму. Я не только монотеист, но христианин, укрепленный философией, которая никогда еще ничего не портила. Я верю в существование Бога – нематериального творца и создателя всего сущего; и то, что вселяет в меня уверенность и в чем я никогда не сомневался, это что я всегда могу положиться на Его провидение, прибегая к помощи молитвы во всех моих бедах и получая всегда исцеление» [6].

Признание себя христианином, полагающимся на

Божий промысел, безусловно, напоминает позицию Пильштыновой. Но религиозность Пильштыновой и религиозность Казановы существенно отличаются. Казанова – деист, признающий Бога как создателя, но полагающийся на свободный выбор человеком своего жизненного пути, и в этом смысле он – человек, разделяющий идеи эпохи Просвещения. Вера же Пильштыновой ортодоксальна, и это проявляется в ее постоянных обращениях к Богу, не исключая профессиональной практики, а также исполнении обрядов и намерении совершить паломничество в Святую землю. Не нужно забывать при этом, что Казанова – мужчина с университетским образованием, а наша героиня – женщина, не имевшая возможности его получить, Казанова жил в Западной Европе, где генерировались новые идеи, в отличие от Пильштыновой, там не бывавшей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в мировоззренческом плане Саломея Русецкая (Гальпирова, Пильштынова) не восприняла скептицизм и антиклерикализм Просвещения, вольнодумство было ей чуждо. Она – искренняя христианка-католичка, и это еще раз доказывают заключительные главы ее воспоминаний и особенно финальное стихотворное обращение к Богу – единственному покровителю и защитнику, на которого она надеялась и надеется в своей жизни.

О происхождении и первых годах жизни нашей героини мы знаем очень немного – известно лишь то, что она родилась около 1718 г. на Новогрудчине (Новогрудок – первая столица Великого Княжества Литовского, ныне город в Гродненской области Республики Беларусь – Л. Л.). Отец Саломеи – мещанин Ефим Русецкий, о матери она не говорит ничего. При этом она рекомендует себя как мелкую шляхтянку и польку, а не как литвинку и мещанку – черта очень красноречивая. Желание мещан, особенно зажиточных и грамотных, приблизиться к образу жизни и статусу шляхты, было естественным, и здесь позиция нашей героини понятна. В равной степени объяснима и самоидентификация Саломеи как польки и католички, пишущей и говорящей на польском языке – в условиях колонизации именно такая модель поведения открывала возможности для нужных знакомств на вершине социальной иерархии.

Можно ли считать Пильштынову феминисткой? Увы, нет. Феминизм – это образ мыслей, манифестация, протест, поведенческие практики женщины, указывающие на ее неприятие существующих гендерных рамок. Ничего этого в воспоминаниях Пильштыновой нет. Она – «слабая, нетерпеливая белоголовая» – белоголовыми называли в ее среде женщин, носящих белые покрывала. В ее воспоминаниях слышны жалобы, усталость от жизни и людей, окружающих ее – будь то мужья, дети, конкуренты или сильные мира сего. Тем не менее, женская судьба нашей героини демонстрирует ее резкий выход за существующие в ее обществе гендерные границы.

В тринадцать лет (это брачный возраст девушки согласно Статуту ВКЛ 1588 года – Л. Л.) Саломею выдали замуж. Ее мужем стал врач-немец Якуб Гальпир, получивший практику в Стамбуле, при дворе султана Махмуда I. Туда молодые супруги и уехали после свадьбы. В качестве ремарки можно отметить два обстоятельства. Во-первых, семья Саломеи, очевидно, была отнюдь не последней в Новогрудке. Врач – это, конечно, не дворянин и даже не богатый купец, но человек уважаемый, образованный, а в данном случае – перспективный обладатель высокого дохода на заграничной службе. Отсюда и второе замечание: для Саломеи ее замужество, вероятно, было самым выигрышным вариантом устройства в жизни.

Молодая женщина оказалась активной, любознатель-

ной и стала учиться врачебному делу у мужа. Впоследствии он познакомил Саломею с врачом итальянцем, который обучил ее латыни и оставил ей медицинские книги.

Экстремальная ситуация, где речь шла о выживании мужа и ее самой, возникла очень скоро. Конкуренты захотели выжить из Стамбула доктора Гальпира. Он лечил султанского придворного, лечение проходило стабильно, и вдруг больной, приняв привычное уже лекарство, умер. Гальпира заключили в тюрьму, в перспективе его ждала смертная казнь, родственники умершего предъявили огромную денежную претензию.

И здесь Саломея, несмотря на принадлежность к слабому полу и юный возраст, стала действовать. Она совершает, по сути, то, что и не всякому мужчине было бы под силу. Ей удалось через содействие влиятельных лиц подать прошение и обосновать невиновность мужа, заплатить компенсацию, уладить конфликт с родственниками умершего, и доктора Гальпира освободили [10, с. 4–5].

Вскоре Саломея узнала, по чьему наущению в аптеке был подмешан яд в лекарство умершего пациента. Она предлагает мужу разоблачить преступников, но слышит в ответ: «Слава Господу Богу, что меня не лишили жизни. Хорошо, что деньгами окончилось» [10, с. 5]. Понимая, что муж ей не помощник, Саломея втайне от него снова подает прошение в суд, убеждает схватить преступников, на очной ставке принуждает их сознаться, а затем возвращает взысканные с нее деньги. Показательна описанная Саломеей реакция на это мужа, который в был в отъезде и лечил греческого князя: «Как узнал, что я это дело начала, так бежал в тот же час без вести аж до Брусы, города турецкого, и пришлось мне за ним посылать и уверять, чтобы ничего не боялся. Он и приехал, и был очень рад» [10, с. 5–6].

Данная ситуация демонстрирует замену гендерных ролей в паре. Возможно, Саломея и было страшно в описанных ситуациях, но она – лидер и боец. «Сердце мне Бог дал смелое, а не боязливое», – отмечает наша героиня [10, с. 9]. Впоследствии ей придется много раз путешествовать самостоятельно, общаться с монархами, договариваться с разбойниками, отводить от себя обвинения в шпионаже и нелегально пересекать границу. Безусловно, она – мастер коммуникации, обладает изворотливостью и качествами манипулятора, ездит верхом, стреляет из ружья и пистолета – ее жизнь диктовала именно такую модель поведения.

Принципиально важным для Саломеи было получение официального разрешения турецких властей на занятие медицинской практикой, и в 17 лет она стала не знахаркой, каких было много, а врачом-окулистом, умеющим удалять катаракту. Она получила возможность очень хорошо зарабатывать честным и уважаемым в обществе трудом (в мемуарах она не раз перечисляет денежные суммы и ценные вещи, получаемые в качестве гонорара), обеспечивая не только себя.

Последующие события показали правильность этой жизненной стратегии. Будучи в Стамбуле, Саломея очень тяжело заболела, по ее словам, из-за порчи, напущенной конкурентами. Девять месяцев она была прикована к постели, затем с трудом начала ходить на костылях. Человек, вылечивший ее, советовал уезжать из Стамбула, где ей и ее мужу все равно спокойной жизни не будет. И здесь муж ее предаст. Ему надоела траты на лечение, болезнь жены и ее жалобы. Он забирает деньги и вещи, часть которых прятал, и, дав ей один злотый на день, советует ей уходить. Саломея добывает дополнительные средства и на костылях, с двухлетней дочкой направляется в Речь Посполитую. По пути она создает себе практику, живет в Адрианополе и Софии, и дела ее идут на лад [10, с. 14–20].

Два следующих сюжета проливают свет на моральные и психологические качества нашей героини. Первый сюжет касается мужа Саломеи, который, прослужив в Боснии, теперь нашел ее в Софии. Ему очень плохо – он болен до такой степени, что все врачи от него отказались, он едва ходит, тело его в болячках, и Саломея узнала его, искалеченного и жалкого, только по голосу. Далее представим слово ей: «И вот как узнала я мужа, оба мы сильно плакали... А муж мой видит, что и без его ласки и помощи Господь Бог мой обеспечил меня, видит порядок и чистоту в доме, лакеев, коляски, платья, и при этом пациентов и уважение среди достойных людей. И так я сказала: “Любимый муж, прощай я тебе все обиды и унижения, что меня бедную и большую в долгах в Стамбуле бросил, а теперь, как смогу, служить и помочь тебе готова”» [10, с. 22]. Саломея вылечила его и дала денег. Гальпир вернулся в Боснию, но вскоре умер. В 19 лет Саломея Гальпирова осталась вдовой с трехлетней дочкой.

Лечение и поддержка больного мужа, оказавшегося предателем, разумеется, свидетельствует в пользу Саломеи. Она проявляет христианское милосердие, участие, помогает отцу своего ребенка. И это достойно восхищения. Однако у этой ситуации есть обратная сторона. К сожалению, доброта, прощение и забота как обязательное требование в отношениях с людьми близкого круга общения сделали Саломею жертвой и донором для двух негодяев, впоследствии сблизившихся с ней. С одной стороны, Саломея, как молодая женщина, стремилась найти себе пару, брак в это время был мерилом женской социальной состоятельности, с другой – ее обеспеченность притягивала любителей жить за чужой счет.

Мытарства этого периода жизни хорошо ею описаны – здесь же достаточно указать, что и второй муж Юзеф де Пильштын, которого она выкупила из турецкого плена и обеспечила всем – от носовых платков до коня, и третий, которого она называла «кавалер» оказались не только паразитами и потребителями. Их пьянство, загулы, транжирство, воровство, любовницы были еще не самым страшным. Так, Пильштын решил отравить жену, чтобы забрать ее имущество, и Саломея едва выжила. «Кавалер» загубил ее старшего сына – во время отсутствия Саломеи он пустился в загул, а чтобы ребенок этого не видел, запер его в погребе, забывая кормить. В результате десятилетний мальчик от холода и стресса умер [10, с. 91, 112]. Спасением от этого убийцы было только бегство и раздельное проживание, что и сделала Саломея.

Второй сюжет связан с представившейся для Саломеи возможностью обзавестись богатым покровителем, что считалось обычным для женщины и полностью вписывалось в современные ей гендерные модели. Женщины-содержанки, дамы полусвета – это целый социальный слой, и масса его представительниц описана, в частности, Казановой, образ жизни которого подразумевал такие знакомства. Так, приехав в декабре 1764 г. в Санкт-Петербург, он узнал на придворном маскараде одну из своих давних приятельниц. В прошлом чулочница из Парижа, она покинула столицу Франции с неким д'Англадом, советником Руанского парламента, затем она бросила его ради директора комической оперы, который взял ее в Санкт-Петербург как актрису, в Петербурге ее содержал польский посол граф Ржевуский, а когда он возвратился в Варшаву, она приняла предложение графа Брюса [5, с. 554–555, 561].

После смерти Гальпира в жизни Саломеи появился настоящий принц. Это был венгерский князь Йозеф Ракоци, богатейший человек, претендент на венгерский трон. Он выступил против Австрии, был принят воевавшей с

ней Турцией и получил от турецкого султана княжество Трансильванию. За месяц лечения Саломея поставила на ноги измученного, больного, кашляющего кровью князя Ракоци, который, почувствовав прилив сил, начал говорить Саломее «особые непотребные и бесстыжие слова... при разнообразных обещаниях», предлагая сделаться его любовницей. Саломея могла принять это предложение, что, возможно, и сделали бы многие на ее месте. Однако она отказывает князю и объясняет почему, демонстрируя способность понимать причины и последствия действий. Она ему не ровня. Он на ней все равно не женится, поиграет, а потом отдаст своим слугам. Не дай ей Бог такого бесчестья. Она еще молодая женщина и найдет себе мужа для достойного христианского брака. Она сама себя обеспечивает и в содержании не нуждается [10, с. 28]. Поступок Саломеи шел вразрез с тем, к чему привык и что, несомненно, видел в таких случаях князь, и он разозлился. Видя, что дело плохо, Саломея спасается бегством. Ракоци снаряжает за ней погоню, обвиняя в шпионаже, и Саломея едва остается живой и на свободе. Этот случай показателен на фоне нравов эпохи и свидетельствует о женской порядочности нашей героини.

Как и мемуары других современников Саломеи, ее «Авантюры...» предельно насыщены персонажами, содержат подробные описания образа жизни средних и высших слоев востока и юго-востока Европы века Просвещения. Значительная часть мемуаров посвящена сюжетам российской истории и описанию российской столицы и двора в правление Анны Иоанновны.

В 1737 г., во время войны Турции с Габсбургами, австрийцы потерпели поражение, и турки взяли много пленников. Турецкий полковник посоветовал Саломею купить нескольких пленников, затем отыскать их родных и взять выкуп уже с них, вернув с прибылью вложенные деньги. Саломея купила пятерых, четверо заплатили выкуп и уехали. Последний, Юзеф де Пильштын, денег от родных не получил, ссылаясь на дальнейшее расстояние и необходимость ждать. Так наша героиня «купила» себе второго мужа, что в итоге закончится покушением на ее жизнь и разездом.

В это время Саломея задумала сложное и масштабное дело. Она вызвалась ехать в Санкт-Петербург к императрице Анне Иоанновне, чтобы договориться об освобождении взятых в плен русскими турок. По пути наша героиня побывала, в частности, в Несвиже (ныне город в Минской области Республики Беларусь) у Михаила Казимира Радзивилла по прозвищу Рыбонька, владельца известной Слуцкой мануфактуры по изготовлению поясов, и его жены Франциски Урсулы, первой женщины-драматурга в Великом Княжестве Литовском, пьесы которой ставились в крепостном театре в Несвиже. Представленная российской императрице, Пильштынова смогла ей понравиться, Анна Иоанновна стала называть ее Соломонидой Ефимовной и предложила погостить при дворе подольше, между тем как слава о врачебном искусстве Пильштыновой обеспечивала ее влиятельной клиентурой [10, с. 41–43]. Саломея, женщина-католичка, успешно решила вопрос в православной стране об освобождении турецких пленников-мусульман, выступая настоящим послом доброй воли, и, возможно, опередив в этом свое время.

Как любознательный человек, Саломея не раз описывала быт, нравы и религиозные обряды посещаемых ею стран. В воспоминаниях Пильштыновой содержится значительный материал, посвященный истории России. Разумеется, в нем есть ряд неточностей, но его объем не может не впечатлять. Это рассказы о Петре I и его военных походах, деле царевича Алексея, Екатерине I, моло-

дых годах Анны Иоанновны и ее отношениях с Бироном, о князьях Долгоруких, попытке верховников ограничить власть Анны Иоанновны «кондициями», шутовской свадьбе в Ледяном дворце, братьях Разумовских, Елизавете Петровне и т.д. [10, с. 49–55, 58–71].

Какую профессиональную нишу занимала Саломея Пильштынова? Несмотря на особое мастерство окулиста-хирурга, Саломея была специалистом широкого профиля, что неудивительно, т.к. в середине XVIII века врачебной специализации практически не было. В известной мере исключением из этого были хирурги и повивальные бабки, деятельность которых подразумевала специальные умения. Саломея принимала роды, лечила заболевания почек, кожи, лёгких, опорно-двигательной и нервной системы. Медицинская практика Пильштыновой не занимает самоделющего места в ее мемуарах, соответствующие сюжеты раскрываются по мере развертывания повествования. И это неудивительно – задачей автора было рассказать про свою полную приключений и тягот судьбу, а не про работу, дававшую средства к жизни.

В реалиях того времени параллельно существовали дипломированные врачи, обращение к которым было доступно лишь богатым людям, и знахари, травники, повитухи, цирюльники, оказывающие помощь широкому кругу больных. Они могли вырвать зуб, срезать мозоль, вправить вывих или перелом, наложить шину, принять роды, изготовить мазь, отвар, настой и т.д. По совместительству хирургами были палачи, обладавшие пусть и весьма специфическими, но необходимыми умениями. Подтверждением этому служит факт из биографии Екатерины II. Однажды принцесса Фике (так называли будущую императрицу в детстве) сильно простыла, зашла в кашле и, завалившись на бок, не смогла встать. На протяжении трех недель ребенок лежал на левом боку с кашлем, болью и сильной температурой. Неизвестно, была ли это пневмония или абсцесс лёгкого, но, когда девочка все же смогла встать, открылась страшная картина. Правое плечо стало выше левого, позвоночник искривился, в левом боку образовалась впадина. Об увечье маленькой принцессы знали только двое самых верных слуг, которые привели к ребенку палача г. Штеттина. Палач и одновременно хирург приказал, чтобы каждое утро в 6 часов служанка приходила и натошак натирала девочке плечо и спину своей слюной. Потом он сделал корсет, который маленькая принцесса должна была носить круглые сутки. Кроме того, Фике надлежало носить широкую черную ленту, которая шла вокруг шеи, охватывала у плеча правую руку и фиксировалась на спине. Лишь через несколько лет, когда девочке уже было 10 или 11 лет, эти приспособления были сняты. Безусловно, их ношение было пыткой для энергичного ребенка, но они выработали необыкновенно прямую и величественную осанку будущей императрицы, что отмечали все современники [3, с. 11].

Медицинская практика сочетала новые открытия и знахарские средства в сочетании с молитвами и верой в чудеса. Так, в акушерстве в это время уже применялись щипцы, позволявшие извлечь живой плод, разработаны теории о женском тазе, естественных родах, проводились манипуляции поворота плода и контроля над преждевременными родами [14, с. 53]. В это же время Саломея использовала знания другого рода. В Санкт-Петербурге она остановилась в доме бригадира Караулова, жена которого должна была родить. Этот ребенок был седьмым, все предыдущие умирали. И здесь Саломея решила применить однажды запомнившийся ей прием бабки-повитухи. Он состоял в том, что ребенок, не дышащий после рождения, накрывался

дежкой, в которой замешивалось тесто для хлеба, и при этом повитуха читала молитвы. Саломея так и сделала – и у бригадира Караулова родился живой сын Иван [10, с. 40].

Консервативные средства той эпохи представляли собой отвары, порошки, присыпки, мази, настои и т.д. Официальное право заниматься сбором и приголовлением лекарственных средств имели лица с соответствующим образованием. С другой стороны, по факту существовали многочисленные травники и знахари, передающие знания из поколения в поколение. Так же сосуществовали фармакопей средств знахарей и лекарств, продаваемых в аптеках. Например, на территории Беларуси в это время аптеки были в 37 городах. При этом только около трети их ассортимента было собственно лекарствами, остальное составляли специи, сахар, конфеты, пряники, мыло, краски и т.д., в аптеке изготавливали спирт и ликёры. При том, что аптекари были освобождены от налогов для того, чтобы удешевить лекарства, все же основная масса людей все равно обращалась к травникам и знахарям, к чему отрицательно относились официальные власти. Например, в «Календаре хозяйственном на Божий 1781 год» предупреждали об опасности лечения у шарлатанов, но сила традиции и отсутствие эффективной альтернативы все равно приводили основную массу людей к представителям народной, а не официальной медицины. Нужно сказать, что и официальная медицина применяла тот же народный опыт – например, при глистах рекомендовали семена тыквы, при плохом аппетите – борщевик, чабрец и т.д. [1, с. 17].

Саломея Пильштынова отдавала предпочтение консервативным методам лечения, в ее фармакопее – талк, свиной жир, желтый воск, мускатное, коричное, анисовое и мятное масло, фиалковый сироп, подорожник и т.д. Она описывает различные симптомы – бред, потерю сознания, кашель, кровохарканье, опухание тела и конечностей и т.д., что устранялось такими консервативными средствами, как припарки, пластыри, размягчение, промывание и т.д. Кровопускания считались консервативным методом и применялись чрезвычайно широко, в том числе и нашей героиней. Например, Екатерина II в «Записках» вспоминает о собственной болезни – абсцессе лёгких. От нестерпимой боли в боку и жара молодая женщина мучилась 27 дней, при этом ей пускали кровь 16 раз, иногда по четыре раза на день [10, с. 8–9].

В консервативном лечении широко применялись токсичные вещества и растения – белена, спорынья, соединения ртути, мышьяка, свинца, меди, фосфора, сурьмы и т.д. Они давали симптомы отравления, но это считалось нормальным. Врачи исходили из тех соображений, что таким образом болезни выходит из тела, и независимо от исходного состояния больного должно тошнить, слабеть, он должен исходить кровью и слюной. В результате все могло закончиться смертью. Не случайно И. Кант отмечал, что «пилюли, пластыри, клистиры, повторные кровопускания без вреда для себя может выдержать только очень сильный организм» [14, с. 53]. Смерть пациента случалась нередко, и в этом смысле понятно, почему так испугался доктор Гальпир, когда умер его пациент – по турецким законам его ожидали тюрьма и смерть. Очевидно, что, пережив этот опыт, Саломея избегала применения агрессивных средств и методов, делая акцент в том числе на диете, режиме сна и т.д.

Радикальным средством в то время была хирургия, однако при отсутствии асептики и антисептики хирурги стремились как можно быстрее провести операцию, что отражалось на качестве, ведь любая рана считалась «воротами смерти». Рожистое воспаление, сепсис, госпитальная

гангрена, пиемия приводили к смерти от 25 до 80 % пациентов. Тем не менее, в то время практиковали удаление камней, ампутацию, трепанацию, хирургическое лечение сосудистой аневризмы и иные вмешательства. [14, с. 54]. Е. Р. Дашкова описывает в своих воспоминаниях вскрытие абсцесса в горле у ее сына как тяжелую операцию [2, с. 91]. Дж. Казанова рассказывает о том, что ему предложили хирургически разрешить мучения, приносимые анальным свищом, но он, взвесив все риски, предпочел ждать, пока свищ выйдет наружу [5, с. 576]. Хирургия, таким образом, была зоной большого риска, и Пильштынова, очевидно, не практиковала ее, в противном случае она бы не преминула написать об этом.

Сопоставляя то, что известно о развитии медицины в середине XVIII века с информацией «Авантюр...» С. Пильштыновой, возможно с большой долей точности оценить профессиональный и институциональный статус Саломеи как врача. Она не получила институционализированной медицинской подготовки, но компенсировала это самообразованием, в результате чего все же получила официальное разрешение на врачебную практику. Понимая, что агрессивные фармакологические средства и хирургия опасны и могут привести к смерти больного, она, по-видимому, избегала их применения. В то же время комплекс консервативных мер, очевидно, помогал пациентам, отточенная техника удаления катаракты давала эффект. Сочетание этих обстоятельств обеспечивало Саломею стабильным доходом и прочным социальным статусом.

Выводы

Саломея Русецкая (Гальпирова, Пильштынова) была

уникальной личностью, и ныне вызывающей уважение и симпатию. Будучи мешанкой по рождению, она стремилась повысить свой социальный и имущественный статус. Отсюда – усвоение ею шляхетских норм поведения, энергия, любознательность, овладение приемами эффективной коммуникации. В результате она смогла «сделать сама себя», заработать авторитет в своей профессии и материально обеспечить свою семью.

Саломея – искренняя католичка, получившая соответствующее воспитание. По этой причине она не принимала вольнодумства эпохи Просвещения и тем более не разделяла вольность нравов «галантного века».

Практичность и энергичность Саломеи сочеталась с порядочностью и душевностью. Она не использовала возможность стать содержанкой, что было в порядке вещей в то время, расценивая это, в силу религиозных убеждений, как грех и осквернение себя. Выполняя мужские функции добытчика и защитника, выходя за свои гендерные рамки, она не была феминисткой, принимая существующий порядок вещей и стараясь выжить в нем, даже будучи жертвой психологического и физического насилия.

В профессиональном плане она занимала нишу чело- века, имевшего официальное разрешение на занятие медицинской практикой, но не получившего специального образования. Сочетая веру в Бога, молитвы и консервативные методы, народную и официальную медицину, она в то же время знала латынь и располагала содержащимися в медицинской литературе знаниями, что поднимало ее на значительно более высокий уровень, чем обычную знахарку, а эффективная практика офтальмолога-хирурга стала основой ее профессиональной деятельности и доходов.

Библиографический список

1. Вальчук Э. А. К истории аптечного дела в Беларуси (XVIII век – 1861 г.) // Вестник фармации. 2011. № 2 (52). С. 16–20.
2. Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России; под общ. ред. С. С. Дмитриева, сост. Г. А. Веселая. М.: Изд-во МГУ, 1987. 493 с. – (Университетская библиотека).
3. Елисеева О.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2010. 635 с.
4. Грыцкевич В.П. Адысея наваградскай лекаркі: Саломея Русецкая – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 53 с.
5. Казанова Д. История моей жизни. М.: Моск. рабочий, 1990. 734 с.
6. Казанова Д. История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 1. [Электронный ресурс] – URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=305193&pg=1> (дата обращения: 03. 02. 2025).
7. Ландзіна Л.У. Прафесійныя веды і лекавыя сродкі Саломеі Русецкай (1718 – пасля 1760) // Этнакультурныя даследаванні флары Беларусі XIX–XX стст. – Х Тышкewіцкія чытанні, Мядзел, 20 верас. 2024 г.: зб. навук. арт. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, Мядзел. р-ны выканаўчы камітэт, / Рэдкал.: А. І. Смолік (адк. рэд.), Л. У. Ланлізіна, В.М. Сакалова. Мінск, БДУКМ, 2024. С. 39–48.
8. Ландина Л.В. Саломея Русецкая (1718 – после 1762) // Гаспадыня. 2017. № 2. С. 44–45.
9. Мальдзіс А.В. «Авантуры» Пільштынавай / Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. Мінск: Лімарыус, 2001. С. 47–59.
10. Пільштынава С. Авантуры майго жыцця. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. 134 с.
11. Понятовский С. Мемуары / Пер. с фр. В. Савицкого. М.: ТЕРРА, 1995. 367 с.
12. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990. 288 с.
13. Смолік А. І. Саломея Рэгіна Русецкая: лекарка, вандроўніца, феміністка // Народная асвета. 2014. № 2. С. 78–83.
14. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Практическая медицина и ее реформирование в XVII–XIX веках. Сообщение 1. Классификационная медицина. Возникновение клинической идеи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 1. С. 51–55.

References

1. Valchuk E.A. On the history of pharmacy in Belarus (XVIII century – 1861) // Bulletin of Pharmacy. 2011. № 2 (52). Pp. 16–20.
2. Dashkova E.R. Notes. Letters from sisters M. and K. Wilmot from Russia; under the general. ed. S. S. Dmitrieva, comp. G.A. Veselaya. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1987. 493 p. (University Library).
3. Eliseeva O.I. Ekaterina Velikaya M.: Young Guard, 2010. 635 p.
4. Hrytskevich V.P. Odyssey of the Novgorod doctor: Salomea Rusetskaya – Minsk: Science and Technology, 1989. 53 p.
5. Casanova D. The story of my life. M.: Mosk. worker, 1990. 734 p.
6. Casanova D. History of Jacques Casanova de Seingalt. Volume 1. [Electronic resource] – URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=305193&pg=1> (access date: 03. 02. 2025).
7. Landina L.V. Professional knowledge and medicinal products of Salomea Rusetskaya (1718 – after 1760) // Ethnocultural studies of the flora of Belarus in the 19th–20th centuries. – X Tyshkevitsky readings, Mediel, September 20. 2024 : Coll. of science art. / Ministry

of culture of the Republic of Belarus, Belarus. state University of Culture and Arts, Miadel. district executive committee, / Ed.board :
A.I. Smolik (ref. ed.), L. V. Landina, O. M. Sokolova. Minsk, BSUCA, 2024. Pp. 39–48.

8. *Landina L.V.* Salome Rusetskaya (1718 – after 1762) // *Gaspadynia*. 2017. № 2. Pp. 44–45.

9. *Maldis A.O.* “Adventures” of Pilshtynova / How our ancestors lived in the 18th century. Minsk: Limarius, 2001. Pp. 47–59.

10. *Pilshtynova S.* Adventures of my life. Minsk: Art literature, 1993. 134 p.

11. *Poniatowski S.* Memoirs / Transl. from Fr. V. Savitsky. M.: TERRA, 1995. 367 p.

12. Russia of the XVIII century in the publications of the Free Russian printing house A.I. Herzen and N.P. Ogarev. Notes of Empress Catherine II. Reprint reproduction. M.: Nauka, 1990. 288 p.

13. *Smolik A.I.* Salomea Regina Rusetskaya: healer, traveler, feminist // *Narodnaya asveta*. 2014. No. 2. Pp. 78–83.

14. *Stochik A.M., Zatravkin S.N.* Practical medicine and its reform in the XVII–XIX centuries. Message 1. Classification medicine. The emergence of a clinical idea//Problems of social hygiene, health care and the history of medicine. 2012. № 1. Pp. 51–55.
